

К 88.33

A. 51

Свящ. П. А. Алмазовъ.

*В. А.*

*127/0*

# ЧУХЛОМСКІЕ СКОПЦЫ.



(Отд. оттискъ изъ VII вып. „Костромской Старины“).



Изд. Костромской Губернской ученой Архивной Комиссiи.



КОСТРОМА.  
Губернская Типографiя.  
1909.

*5759*

К 86.3 А 51

Свящ. П. А. Алмазовъ.

~~1/1~~

~~1/1~~

# ЧУХЛОМСКІЕ СКОПЦЫ.

5459

(Отд. оттискъ изъ VII вып. „Костромской Старины“).

Изд. Костромской Губернской ученой Архивной Комиссія.

Научная библиотека  
Костромского  
краеведческого  
музея

КОСТРОМА.  
Губернская Типографія.  
1909.

## Чухломскіе скопцы \*).

Скопчество, какъ уродливое явленіе въ средѣ русскаго сектантства, наибольшее распространеніе нашло себѣ въ средней и южной полосахъ Россіи; поэтому историку русскаго скопчества обычно приходится имѣть дѣло съ документами и матеріалами, относящимися до названныхъ мѣстностей. Но отдѣльные случаи скопчества, а иногда и организованныя скопческія общины, изрѣдка встрѣчаются и въ такихъ уголкахъ Россіи, гдѣ, повидимому, ово должно быть явленіемъ неизвѣстнымъ: мы говоримъ о сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ крестьянское населеніе—въ общемъ малограмотное и малокультурное—способно лишь усвоить тѣ формы религіознаго сектантства, которыя основываются на буквѣ, но не на духѣ Писанія (ложно истолкованномъ). Между тѣмъ, въ первой половинѣ XIX в. скопчество получило довольно широкое распространеніе въ Чухломскомъ уѣздѣ, такъ какъ случаи оскопленій были здѣсь далеко не единичныя и надѣлали не мало хлопотъ мѣстнымъ властямъ. Къ сожалѣнію, добытые нами документы не даютъ яснаго представленія о томъ, гдѣ закончилась скопческая эпопея въ Чухломскомъ уѣздѣ, хотя въ достаточной степени могутъ говорить о томъ, что скопчество свило здѣсь довольно прочное гнѣздо. Описываемые ниже факты относятся къ 1844—47 гг.

Въ августѣ 1844 г. Чухломскій уѣздный стряпчій получилъ отъ поручика Руломазина увѣдомленіе, что въ его усадьбѣ Сваинѣ оказались оскопленными двѣ женщины и малолѣтняя дочь одной изъ нихъ.

\*) Извлечено изъ дѣлъ Чухл. городнич. правл. за 1844—47 гг. №№  $\frac{767}{7}$   $\frac{1838}{29}$   $\frac{1856}{62}$ .

Немедленно было назначено расследование, къ которому были привлечены дворовыя женки вдова Татьяна Дмитриева и Парасковья Семенова. Изъ показаній первой выяснилось, что она вмѣстѣ съ своею малолѣтнею дочерью оскоплена была назадъ тому лѣтъ 5 (слѣд. въ 1838—39 гг.) неизвѣстнымъ человѣкомъ, пришедшимъ въ усадьбу Сваино изъ Ветлужскаго уѣзда, по имени Федоромъ Ивановымъ, а этотъ послѣдній былъ приглашенъ въ Сваино женой Епистиміей Тихоновой, которая къ данному времени уже умерла. Крестьянка Парасковья Семенова показала, что въ августѣ того же года къ ней пришелъ неизвѣстный человѣкъ и по разговору его съ ней о священномъ писаніи она согласилась на обрѣзаніе груди. Отвратительная операція была произведена въ чуланѣ, находившемся надъ каретнымъ сараемъ: соблазнитель Семеновой связалъ ей руки и закрылъ лице, а послѣ оскопленія по три ночи перевязывалъ у ней больныя мѣста. Несколько мучительна была эта операція, — видно изъ того, что Семенова, выйдя изъ своего чулана уже на 5-й день, поразила помѣщика своимъ болѣзненнымъ видомъ и при первомъ же вопросѣ съ его стороны призналась въ оскопленіи. Дальнѣйшія показанія Семеновой даютъ понять, что она едва ли такъ была наивна, чтобы согласиться на оскопленіе по первому же уговору со стороны неизвѣстнаго ей человѣка: можно полагать, что скопческія убѣжденія ей были извѣстны гораздо ранѣе, а августовская операція была уже только печатью, свидѣтельствующею о совершенномъ вступленіи въ общество духовныхъ христіанъ. Такъ, Семенова на вопросъ своего помѣщика о виновникѣ ея изуродованія отвѣчаетъ обычною для всѣхъ скопцовъ фразой: „когда я проходила къ сестрѣ, въ лѣсу неизвѣстный человѣкъ оскопилъ“. Далѣе, чтобы скрыть свое долговременное пребываніе въ чуланѣ для заживленія ранъ, Семенова заблаговременно испрашиваетъ у помѣщика позволеніе сходить въ Солигаличскій уѣздъ навѣстить больную сестру; на самомъ же дѣлѣ она этотъ отпускъ не использовала.

Въ показаніи Татьяны Дмитриевой фигурируетъ еще нѣкая крестьянская дѣвка Марѳа Иванова, занимавшаяся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; дочь Дмитриевой, Евгенія, 13-лѣтняя дѣвочка была оскоплена своею учительницею, сказавъ, по наученію послѣдней

своей матери, что „это (т. е. отсутствіе нѣкоторыхъ органовъ) случилось отъ болѣзни“!

Понявъ, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ широко организованной системой оскопленія, судебная власть нашла необходимымъ произвести поименный обыскъ у всѣхъ обитателей помѣщичьей усадьбы — въ результатъ оказалось, что скопчество нашло себѣ послѣдователей среди населенія 9-ти деревень, а всѣхъ оскопленныхъ было обнаружено 14 человѣкъ разнаго возраста отъ 13 до 75 лѣтъ. Изъ разспроса задержанныхъ скопцовъ видно, между прочимъ, что скопчество здѣсь дѣло не новое, такъ какъ одна 54-лѣтняя дѣвица показала, что она „и не помнитъ, кѣмъ была оскоплена“, а 25-лѣтній крестьянинъ Дмитрій Ивановъ оказался оскопленнымъ въ малолѣтствѣ. Въ 3-хъ случаяхъ отсутствіе извѣстныхъ органовъ объяснено „болѣзью“. Характерно, между прочимъ, и то, что всѣ виновники оскопленія оказались умершими, за исключеніемъ упомянутой выше деревенской грамотейки Марѳы Ивановой, которая была найдена въ одной изъ окрестныхъ деревень, но..... бѣжала въ то время, когда ее переправляли въ квартиру становаго пристава. Одинъ изъ оскопленныхъ, 25-лѣтній крестьянинъ Дмитрій Ивановъ, далъ, между прочимъ, болѣе обстоятельное показаніе, изъ котораго видно, что въ этой мѣстности скопчество было извѣстно не только съ теоретической стороны какъ опредѣленный выводъ сектантской догматики, но и со стороны практической — въ смыслѣ извѣстной организаціи, со всѣми ея ступенями и подраздѣленіями: „состояціе въ скопческой ереси, говоритъ онъ, вольноотпущенные Ерастъ Герасимовъ съ сестрами выѣхали на жительство въ городъ Томскъ..... но оскоплены ли эти люди, неизвѣстно“. Очевидно, они были еще только неофитами въ скопчествѣ и къ принятію печати не были готовы.

Опасенія власти за широкое распространеніе скопчества были тѣмъ серьезнѣе, что крестьяне Сваина и др. окрестныхъ деревень, какъ помѣщичьи, подвергались переселенію съ одного мѣста на другое и, слѣдательно, могли бытъ проводниками изуверства и въ новыхъ мѣстахъ своего поселенія. Но самой крупной величиной въ этомъ процессѣ оказывалась, несомнѣнно, „дѣвка Марѳа Иванова“, которая за время своего учительства успѣла, вѣроятно, не одну изъ вѣрноп-

нмъ ея попеченію душъ посадить на пѣлаго, а можетъ быть и на бѣлаго коня. Къ розыску этой-то насадительницы душевной и тѣлесной чистоты и направлены были усилія чухломскихъ властей. Но всѣ поиски оказались безуспѣшными: Марья Ивановой въ предѣлахъ Костромской губерніи не оказалось; вѣроятно глухіе вологодскіе лѣса укрыли ее.....

Между тѣмъ, спусти три года послѣ обнаруженія скопцовъ въ Сваннѣ и смежныхъ съ нею деревняхъ, скопческая ересь принимаетъ настолько серьезный характеръ, что вызываетъ внимательство центральной гражданской власти. Около этого времени бѣжалъ изъ Сибири смѣлѣйшій скопецъ Алексѣй Ивановъ Громовъ. Министерству Внутреннихъ дѣлъ стало извѣстно, что онъ направлялся въ Костромскую губернію. Тѣмъ временемъ, въ началѣ 1847 г. полицейскими властями была установлена личность скопцовъ въ самой Чухломѣ, причѣмъ въ принадлежности къ скопчеству заподозрѣны были оберъ-офицерская дочь Самарина и мѣщанка Андроникова. Безъ сомнѣнія, эти женщины не были единственными адептами скопчества, такъ какъ костромской гражданской губернаторъ въ своемъ предписаніи чухломскому городничему отъ 16 іюля 1847 г. довольно рѣшительно заявляетъ, что „дошедшія до него свѣдѣнія удостовѣряютъ, что г. Чухлома сохраняетъ въ себѣ гнѣздо скопческой ереси“. Если это предположеніе было высказано губернаторомъ ревизовавшему въ томъ году Костромскую губернію чиновнику особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Алябеву, то не будетъ удивительнымъ, что послѣдній, въ своемъ секретномъ предложеніи на имя чухломскаго городничаго отъ 4 іюля 1847 г. заподозриваетъ вѣроятную связь между бѣжавшимъ изъ Сибири скопцомъ Громовымъ и чухломскими скопчиками Перфильевой и Андрониковой, а поэтому и предлагаетъ городничему немедленно принять мѣры къ задержанію означенныхъ женщинъ. Но было уже поздно... Ни той, ни другой въ Чухломѣ не оказалось. Изъ показаній, отобранныхъ у родственниковъ Самариной и Андрониковой обнаружилось, что скопческая организація въ Чухломѣ владѣла секретомъ распознаванія, когда наступаетъ тяжкая для сектантовъ година. Не надо забывать, что годы 1844 - 47 были весьма тяжелыми для сектантовъ: строгая рука Императора Николая I

доставала ихъ изъ такихъ уголковъ, которые, повидимому, были недоступны власти. Въ особенности положеніе ихъ затруднялось, если со стороны руководителей и главарей сектантства правительство замѣчало попытки стать въ противорѣчіе съ существующими на ихъ счетъ узаконеніями. Какъ выше было упомянуто, центральная власть была озабочена въ данное время поимкою бѣжавшаго изъ Сибири скопца Громова: надо полагать, что это была крупная величина скопческаго міра, такъ какъ въ противномъ случаѣ Громовъ не могъ заинтересовать собою Петербургъ. Вполнѣ резонно полагая, что побѣгъ Громова не останется незамѣченнымъ и поведетъ за собою извѣстныя репрессіи по адресу всѣхъ изблеченныхъ и даже подозрѣваемыхъ въ скопчествѣ, Самарина и Андроникова оказались „давно выбывшими изъ Чухломы“—одна въ Шекшинскую волость Вологодской губерніи, а другая—въ городъ Тотму для поклоненія св. мощамъ. Несомнѣнно, что это заявленіе было только весьма удобнымъ маневромъ, обычно практикуемымъ въ случаѣ розыска нужныхъ полиціи лицъ. Какъ и слѣдовало ожидать, наведенныя о Самариной и Перфильевой справки въ Тотмѣ и Вологодскомъ Губернскомъ Правленіи дали весьма опредѣленный результатъ: ни та, ни другая въ мѣста, указанныя ихъ родственниками, и не показывались. Мало того Чухломская Городская Дума сообщила городничему, что „Андрониковой на отлучку видовъ даваемо не было,“ слѣд. фактъ сознательнаго бѣгства Андрониковой устанавливается съ достаточной ясностью.

Какимъ образомъ скопчество могло свить себѣ гнѣздо въ Чухломскомъ уѣздѣ \*)? Мы склонны предполагать, что бѣгство изъ Сибири скопца Громова, такъ обезпокоившее центральную власть не было единичнымъ явленіемъ этого рода. При той изувѣрной настойчивости, которую проявляли и проявляютъ скопцы для умноженія числа людей божіихъ до извѣстной цифры, имѣющей для нихъ догматическое значеніе, побѣги эти были явленіемъ нерѣдкимъ. Но куда бѣжать и гдѣ искать простецовъ? Нашъ сѣверъ былъ весьма для нихъ заманчивъ, какъ по простотѣ его населенія, такъ и по тому удобству, съ какимъ можно было хоронить въ воду концы какого угода-

\*) Въ цитированномъ выше секретномъ предписаніи д. с. с. Алябева есть указанія и на то, что и въ Солигаличѣ скопчество имѣло своихъ представителей.

но преступленія: непроходимые лѣса сѣверные могли бы много, много повѣдать такого, предъ чѣмъ наши официальные трактаты могутъ показаться невиннымъ лепетомъ младенца.

С. П. А.

